

ПРОЛОГ

Южный ветер принес отголоски зноя Великой Пустыни в Кальдор. Он оведал раскрасневшиеся лица, душным потоком заглядывал в окна, шевелил занавеси. В его дыхании слышались стоны крошащихся камней и шепот красных песков. А ещё он был вестником больших перемен. Вот только расслышать предупреждение мог лишь один человек.

Принцесса Тамила вскинулась на постели, обводя знакомую комнату испуганным взглядом. Может, показалось? Тишину послеполуденного времени разбавляли только далекие голоса переговаривающихся стражников на башне да тихий посвист певчей птицы. Птичку подарил Тамиле отец, наказав ухаживать и не обижать. Как и любое распоряжение родителя, это она исполняла в точности.

Закрытые ставни не давали солнечным лучам проникать в комнату, но все же полной темноты не было. Зато отчетливо ощущалось что-то странное. Неправильное.

Страшное.

Нет, наверное, все-таки приснилось. Да и сидящая в углу на узком диванчике няня дремала, уронив подбородок на грудь и едва слышно похрапывая.

Шумно переведя дыхание, девочка откинулась на шелковую подушку, приятно охлаждающую кожу. Чтобы с новым порывом ветра вскочить и, запутавшись в подоле длинной рубашки, едва не упасть с высокой кровати.

— Нянюшка, беда!

От крика девочки дородная женщина в пестром платье мгновенно проснулась и бросилась к постели. Из-за двери прибежали ещё две, словно срисованные с первой. Густо наруганные щеки и подведенные черным глаза, темные волосы, забранные в косы с обилием разноцветных лент и драгоценных заколок. Пышные складки придворных платьев из многочисленных слоев ткани. Они всегда напоминали Тамиле кукол с фарфоровыми лицами и до нелепости яркими нарядами.

Заохали, запричитали, всплескивая руками и стараясь успокоить плачущую принцессу. Ни веселая песенка, ни сладости, ни обещания любимых игр не помогали. Девочка продолжала всхлипывать, растирая слезы по лицу.

— Папа... Папочка!

Добиться чего-то более понятного не получилось. Придворный лекарь, спешно вызванный встревоженной свитой, только покачал головой и посоветовал не пугать ребенка перед сном страшными сказками. Потом потребовал стакан воды,

в которую капнул из пузырька. Тягучая жидкость нехотя растворилась, оставив в воздухе приторный запах, от которого зудело в носу.

С трудом уложив ставшую вялой, но такую же печальную девочку, придворные разошлись, только няня тихо пела, поглаживая густые черные пряди. Она ещё не знала, что спустя несколько часов примчится на взмыленном коне посланник. Как не знала о потоках грязи и камней, обрушившихся ночью на горный перевал. Он смел не только неосторожных путников, но и одну из самых неприступных крепостей, оплот лучших стражей границы. То, перед чем пасовали вражеские воины, оказалось легко разрушено силой разгневанной природы. Принц Калев, сын и гордость правящего рода, как раз достигший возраста, достаточного для поступления на службу, должен был принести присягу на грядущем закате. Те же слова в том же месте до него произносили отец, дед, прадед и ещё несколько поколений правителей. И сам Калев, и его отец, король Алек, с нетерпением ждали, когда принц станет не просто юным воином, а сделает ещё один шаг по дороге признания официальным наследником трона. Нетерпение было столь сильно, что они решили поторопиться и прибыть в крепость на день раньше...

Няня пела колыбельную и гладила волосы девочки, не зная, что это уже не просто спящий ребенок, а королева Гарета — великого государства у подножия Темного хребта, последней преграды на пути песков Великой Пустыни.

Королева, которой едва минуло пять лет.

ГЛАВА I

пятнадцать лет спустя

Звук шагов то приближался, то удалялся, и только это помогало ориентироваться в пространстве. Алое зарево под веками слепило, лишь ненадолго давая рассмотреть собравшихся. Два десятка опытных царедворцев и она — никому не выгодная и, по сути, абсолютно бесполезная правительница.

Каждого из них она знала едва ли не с рождения. С момента коронации так уж точно.

Как и этот зал — богато украшенный и совершенно безликий. Ведь в нём не проходили официальные приемы, не велись переговоры с представителями других держав, он не был призван поражать и угнетать великолепием. Нет, просто комната, в которой раз в несколько дней собирается верхушка государства. Просто комната, всецело магически защищенная от прослушивания, просматривания, пронюхивания и ещё Богиня ведает чего.

— Засуха в западных провинциях продолжается, велика вероятность, что часть урожая погибнет.

Голос главного в Совете прозвучал совсем рядом, отчего она едва не вздрогнула, но смогла сдержаться. Не стоит так отвлекаться во время обсуждения экономических вопросов. Часть того самого урожая уже пропала, только не от засухи, а в хранилищах наместника западных провинций. Королева сохранила отсутствующее выражение лица, не дав губам изогнуться в горькой усмешке.

Министры и советники зашептались, создавая ровный и почти убаюкивающий фон. Если бы ещё обод короны так не давил на виски... Изящная и с виду почти невесомая, она каленым железом стиснула голову, будто прожигая кожу и сжимая череп. От боли на языке разливался соленый привкус, такой знакомый и ненавистный.

С того дня, как королеву отравили, прошло уже почти два года, но исцелить её никто так и не смог. Яд медленно, очень медленно подбирался к сердцу, ледяным дыханием сковывая пальцы и губы. Добела вымораживая кожу нежного лица, давно стерев со щек даже призрак румянца. Разве что волосы остались все такими же черными и густыми, единственная радость, оставшаяся от постепенно исчезающей девичьей красоты. Даже глаза, темно-карие, бархатные, выцвели до янтарного. Как у дикой степной кошки, осторожной и очень опасной, убивающей жертву одним движением мощных челюстей. В отличие от кошки, королева Тамила была почти бессильна. И бесправна. Она, дочь правителя, одного взгляда которого боялись и жаждали, давно стала декорацией парадного зала.

Столь же ценная, как инкрустированные драгоценными камнями стены, последняя представительница некогда многочисленной правящей династии Гарета. Единственная, в чьей крови ещё сохранялись крохи древнего благословения Богини. Та, кто слышит голос песков. И они отвечали ей.

Насколько ценная, настолько же неудобная как своим придворным, так и народу.

— Ваше величество, все в порядке? — глухой, чуть хриплый голос раздался уже совсем близко, и глаза пришлось открыть.

Глава Совета, первый министр. Её дядя. Сколько же ему лет? И сколько тайн хранится в голове, увенчанной седыми, но все ещё не поредевшими волосами? И хочет ли она когда-либо узнать эти тайны? Заманчиво... И очень опасно.

— Да.

Спекшиеся губы только слегка шевельнулись, но едва слышный ответ словно стал сигналом, по которому совещание возобновилось. Шуршание бумаги, легкий шорох тканей дорогих нарядов, скрип пера. И чей-то пристальный, почти физически ощутимый взгляд, от которого захотелось поерзать. Но на троне не ерзают, поэтому Тамилла медленно и внимательно осмотрела каждого из присутствующих.

Кто-то торопливо отводил глаза, делая вид, что не заметил королевского внимания, кто-то, наоборот, отвечал легкой улыбкой и полупоклоном. Пока взгляд не остановился на предпоследнем слева мужчине.

Таул Хетт.

Довольно молодой и удивительно нескладный, сутулый и со слишком длинными руками, военный министр не отвел глаза. И не стал раскланиваться, как и участвовать в делано оживленном обсуждении. И он, и Тамила знали, что оно ведется исключительно для королевы. И только до тех пор, пока она не покинет комнату. Зачем расстраивать впечатлительную нездоровую женщину кошмарами большой политики?

— Что с обнаружением лагеря северян? — Она слышала чуть скрипящие нотки в собственном голосе и все же не могла не спросить. Это не та угроза, от которой можно отмахнуться.

Равномерный гул вновь стих, и, судя по дружному вздоху, все головы повернулись в сторону трона. Проверять не было ни малейшего желания, она и так прекрасно знала, что выразят лица. Одни не скроют недовольства и доли презрения, тут же скрытые поспешно натянутой маской подобострастия. Где это видано, чтобы женщина, пусть и королевских кровей, лезла в дела армии?! Другие тихо фыркнут в легкой досаде. Третьи и совсем примолкнут лишь из следования протоколу, пережидая момент редкого всплеска интереса Тамилы к делам государства. И вознесут молитвы, чтобы эти всплески были как можно реже — у министров есть более важные проблемы, нежели просвещать витающую в облаках королеву по поводу состояния дел страны. Лишь бы приказы вовремя подписывала да показывалась

на балконе дворца, опровергая очередной слух о своей кончине. Слухи эти в последнее время становились всё настойчивее, волнуя простой люд. А когда народ волнуется, он прекращает работать и начинает думать, вот это уже и вовсе никуда не годится.

— Наша разведка работает день и ночь, но лагерь пока не обнаружен.

Едва слышный смешок с правой стороны. Кажется, там сидел главный казначей. Наверное, припомнил суммы, регулярно выделяемые на тренировку разведывательных групп, и не смог сдержать чувств. Казначеем королева была довольна. Конечно, он воровал, но в пределах разумного, пресекая попытки других равнодушных запустить обе руки в казну. Одна ещё куда ни шло, но две — это уже перебор.

— Мы предполагаем, что они скрываются где-то в отрогах Темного хребта, — добавил Хетт, чуть помедлив.

Королева все же позволила себе усмехнуться одним уголком губ, но кивнула. Едва заметно, дав понять, что он был услышан, но без излишней благосклонности. Такие кивки носят едва ли не первостепенную важность в арсенале царствующих особ. И иногда она от души ненавидела протокол и просто все правила, запрещающие напрямую спросить — чем заняты его подчиненные, если уже не первую неделю не могут выполнить довольно простое задание?

«Где-то в отрогах Темного хребта»...

Это она могла предположить и без разведки. Вряд ли северяне умеют дышать под водой, поэтому в глубинах моря их искать бессмысленно. Прибрежная коса не так велика, чтобы полторы сотни вооруженных чужаков смогли больше месяца жить там, не привлекая внимания. Пересечь её не так сложно, но в тех местах, где проходили дороги, усиленные патрули, а выжить в пустыне... Если они вошли в неё, о проблеме стоит забыть — пески не отдадут законную добычу.

Пользуясь тем, что Совет, не дождавшись продолжения, вновь сосредоточился на обсуждении текущих вопросов, Тамила подняла глаза вверх. Не с целью молитвы, хотя и это не повредило бы, а чтобы увидеть потолок. Один из её предков распорядился выложить на нём карту.

Кальдор, как и положено столице столь значимого государства, сиял крупным изумрудом. Чуть поодаль, буквально на расстоянии ладони, расплескалась бирюза Закатного моря. На самом деле до него почти неделя пути верхом. Вдвое дальше до одного из немногих перевалов через Темный хребет, ведущих к границе. До той границы и вовсе на четверть пальчика, узкая полоса по правому берегу Расхи. Берущая начало среди исполинских скал хребта, она, постепенно замедляясь, становилась глубже и темнее, но оставалась всё такой же ледяной. Говорят, даже в самый сильный зной воды настолько холодны, что их не рискуют преодолевать вплавь даже контрабандисты.

На карте Расхи вилась тонкой сапфировой ленточкой, то сужаясь до нитки, то внезапно расширяясь ярко-синей кляксой. Не доходя до нижнего отрога хребта, река резко забирала на восток и уходила в хризолитовые степи Ориса. Конечно, на самом деле степь была обычной, но мастер предпочел именно этот камень.

Тамила никогда не видела степь. Разве что слышала песни о теплом ветре, качающем колоски трав, и табунах лошадей, диких и стремительных, тенями скользящих над сизыми волнами ковыля. От этих песен на душе становилось горько и светло одновременно.

Но так было до прошлой зимы. В самом конце сезона засухи, когда зной уже отступил, а холодные дожди ещё не превратили дороги в болото, ко двору прибыл новый посол Ориса. Прежний, немолодой, но весьма уважаемый как друзьями, так и врагами, уже не мог так же эффективно справляться с узаконенным шпионажем. Тамила хорошо знала его — высокого и крупного, с непривычно раскосыми темными и очень умными глазами. И до сих пор жалела, что он не остался в Кальдоре. Пусть и в роли почетного заложника, казнить его она не позволила бы. А ведь именно это произошло с его преемником, когда тот вручил свиток с личной печатью Марука, короля Ориса.

Как потом сказали лекари, именно в этой печати был вплавлен крохотный хрупкий сосуд с ядом. В первые мгновения после того, как печать была

сломана, Тамила ничего не ощутила. Разве что непривычно потяжелел и стал обжигающе-горячим медальон белого золота с крупным диантом. В тот момент она была слишком занята соблюдением придворных церемоний, чтобы вспомнить, за что диант так ценят не только маги, но и просто осмотрительные люди — он реагировал не только на чары, но и на яды. А потом... Четыре дня бреда и непрекращающейся лихорадки, во время которых королева была на грани жизни и смерти. Четыре дня постоянной агонии, странные видения, голоса давно умерших. Жрица, которой она рассказала об этом, сказала, что Тамиле очень повезло — услышать голоса мертвых и не пойти на их зов почти за гранью возможного.

Отравителя так и не нашли. Нет, естественно им объявили того посла, имя которого она уже и не вспомнит. Тем более что он попытался скрыться, когда Тамила потеряла сознание, и был убит на месте. Его сопровождающих после допросов в течение нескольких часов выслали не только из столицы, но и из Гарета. А через месяц из Ориса вернули их собственных послов. Некоторых даже целиком. Король Марук всегда был не в меру горяч и скор на действия.

С усилием заставив себя оторваться не столько от карты, сколько от собственных невеселых мыслей, Тамила для пробы чуть качнула головой. Она была тяжелой, но тягучей болью не отозвалась. Значит, приступ прошел. В последнее время они становились всё сильнее и продолжительнее.